

УДК 94(517)“14”

К ВОПРОСУ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ У ОЙРАТОВ В КИТАЙСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ИСТОЧНИКАХ (НА ПРИМЕРЕ УГЭЧИ, ГУЙЛИЧИ, МЕНКЭ-ТИМУРА)

© 2013 г. Д.Г. Кукеев¹

Данная статья посвящена вопросам отождествления исторических личностей в один из судьбоносных и запутанных периодов истории предков калмыков – ойратов. Методической основой исследования является комплексный подход, сравнительно-исторический анализ различных источников, которые позволяют разрешить ряд дискуссионных проблем в истории предков калмыков – ойратов.

Ключевые слова: ойраты, отождествление, источники, XV век.

Около четырехсот лет судьба калмыцкого этноса неразрывно связана с югом России. Предками калмыков являются ойраты – выходцы из Центральной Азии. По ойрато-калмыцкой истории написано много работ, авторы которых исследуют ее различные аспекты. Активно разрабатываются вопросы политической и социально-экономической истории, историко-культурного взаимодействия калмыков с другими народами [1]. Вместе с тем в отечественной историографии существует немало проблем, требующих дополнительного изучения. К их числу относится изучение роли исторических личностей, внесших заметный вклад в развитие ойратского общества. В этом контексте особое звучание приобретает проблема соотношения упоминаемых в различных источниках имен с конкретной исторической личностью.

Исследователям, занимающимся выяснением подоплеки исторических событий в степи (отношений кочевых государств с оседлыми: сюнну с династией Тан в VIII в., монголов с династией Мин и др.) и установлением роли тех личностей, которые принимали в них активное участие, приходится обращаться к источникам на разных языках. Однако работа с китайскими и неазиатскими (персидскими, тюркскими, монгольскими, маньчжурскими) источниками показывает, что отождествление исторических персонажей в них представляет значительную трудность.

Примером может служить история Центральной Азии и соседних территорий Северной и Восточной Азии, которые издавна являются объектами самого интенсивного изучения. Особое внимание обра-

щается на расселение народов и отдельных племен в тот или иной период времени, на направление их движений не только в рамках данного района, но и за его пределами. При изучении этого вопроса самому тщательному анализу подвергаются топонимы и этнонимы, зачастую сохранившиеся только в искаженной передаче китайскими иероглифами, что создает дополнительные затруднения при их идентификации [2, с. 96].

Однако не должны оставаться без внимания и вопросы, связанные с отождествлением исторических личностей и нашедшие свое отражение в других источниках. В качестве примера рассмотрим случай с одним полководцем родственного калмыкам джунгарского народа XVIII в. В китайских исторических хрониках (Цин шилу) и материалах военно-политического характера (Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ) довольно часто упоминается личность полководца по имени “Ма-му-тэ”. Вопросы отождествления его с кем-либо из известных персонажей ойратской истории по-разному находят свое освещение.

Историк М. Кутлуков, являясь представителем уйгурского народа, отождествляет зайсанга Мамута с уйгуром Мир Мухаммад-Имином из “Ислам-наме”, который командовал одним из отрядов, состоявшим из горцев, верных ойратскому правителю Давачи [3, с. 65]. Алтайский историк Г.П. Самаев отождествляет личность Мамута с алтайским Мамутом, братом теленгитского зайсана Кутука [4, с. 105].

По-видимому, представления М. Кутлукова и Г.П. Самаева являются ошибочными, поскольку в “Илэтхэл шастир” имеется биография захчинского князя Мамута (гл. 115, л. 9–32 об.). Захчинский зайсанг Мамут, чья биография изложена в “Илэтхэл

¹Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 358000, Республика Калмыкия, Элиста, ул. Илишкина, 8, тел.: (84722) 3-55-37; e-mail: kukeevdv@list.ru

шастир”, в 1754 г. был захвачен в плен цинскими (маньчжуро-китайскими) войсками и изъявил желание принять подданство Цинской империи, за что от императора Цяньлуна получил титул придворного сановника (dotoyadu said). Позднее за участие в походе против Давачи он в 1755 г. был пожалован в гуны 2-й степени и удостоился почетного титула “Итгэмджиту багатур” (“Верный богатырь”). А во время восстания Амурсаны против Цинской империи Мамут находился в Или и попал в плен к восставшим. Он отклонил предложение Амурсаны примкнуть к восставшим и был казнен. “Илэтхэл шастир” сообщает: “После того как императорская армия усмирила Или, мятежники были закованы в железа и доставлены [в Китай], император приказал выспросить у них обстоятельства гибели Мамута. Скорбя по поводу его смерти, он написал стихотворение, в котором прославил Мамута как верного и отважного героя и сказал, что слава его переживет тысячу лет” (гл. 115. л. 27–27 об.) [5, с. 110–111].

Если обратиться к истории ойратов XV в., то китайские источники ввиду специфических особенностей языка и письменности ставят исследователя перед той же необходимостью отождествления имен в искаженной китайской транскрипции с подлинными монгольскими собственными именами, географическими названиями и т.д. При решении этого вопроса ценность сведений из монгольских источников является неоспоримой. С того момента, как отечественные ученые положили начало монгольскому источниковедению, прошло около двух веков. За это время усилиями монголоведов разных стран проделана большая работа по сбору, публикации и изучению памятников монгольской исторической литературы. Несмотря на это многие вопросы ойратской истории остаются не до конца выясненными, а “темный период” (как именуется промежуток времени XV–XVI вв. в истории монголов и ойратов) либо обходился стороной, либо упоминался вскользь и не подвергался тщательному исследованию.

Немалую сложность вызывает идентификация тех персонажей ойрато-монгольской истории, деятельность которых не вполне выяснена. Из первых упоминаний в китайских источниках об ойратах в послеюаньскую эпоху известно, что они находились под властью некоего Мэн-кэ-те-му-эра. Несомненно, что это транскрипция китайскими иероглифами монгольского имени “Менкэ-Тимур”. И монгольские, и китайские источники не дают подробных сведений о нем. По “Мин ши”: “Ойраты – монгольское племя и находятся к западу от даданьцев [т.е. восточных монголов – Д.К.]. После падения династии Юань юаньский сильный сановник Мэн-кэ-тэ-му-эр [Менкэ-Тимур] завладел ими.

После его смерти народ разделился на три части: их вождей звали – Ма-ха-му [Махмуд], второй – Тайпин, третьей – Ба-ту-бо-ло [Бату-болот]” [6, цз. 328]. Из этих немногочисленных сведений следует, что Менкэ-Тимур был сановником на службе у юаньского двора. В начале правления минской династии он установил власть над всеми ойратскими племенами и удерживал ее в своих руках до появления на исторической арене Махмуда, Тайпина и Бату-болота. При его жизни ойраты были объединены, но после смерти распались на три объединения во главе со своими предводителями.

В “Мин шилу” содержатся более подробные сведения о Менкэ-Тимуре, они датируются 2-м месяцем 2-го года девиза правления Цзянь-вэнь (1400 г.): “По информации, стало известно, что противник будет наступать, пересекая границу. Император послал письма даданьскому хагану Гун-тимуру, а также ойратскому князю Менкэ-Тимуру и другим, чтобы они узнали об этом и сообщили результат [относительно наступления – Д.К.]”. Этот исторический материал свидетельствует о том, что Менкэ-Тимур был ойратским князем. Одновременно с Гун-тимуром они управляли соответственно Восточной и Западной Монголией. Вслед за этим в “Мин шилу” под 1402 г. имеется запись, что после вступления императора Чэн-цзу на престол “отправлялись гонцы с известием о его восшествии; [Таковые] были отправлены в Кара-корум, к ойратам и другим племенным вождям” [7, цз. 11]. Однако здесь не упоминается имя ойратского правителя.

В год вступления на престол императора Юн-лэ (1403 г.) минский Чэн-цзу “отправил чжэнфу Да-ха-Тимура и других к ойратам...” с извещением уже не к Менкэ-Тимуру, а к Махмуду, Тайпину и Бату-болоту [7, цз. 18]. Это свидетельствует о том, что в 1402 г. главами ойратов выступали указанные выше Махмуд и другие представители знати, которые установили контакты с минским двором. Что произошло с Менкэ-Тимуром, ни “Мин ши”, ни “Мин шилу” не сообщают. Поэтому остается неизвестным, как закончилось правление Менкэ-Тимура: умер ли он своей смертью или власть у него была отнята? Как именуется Менкэ-Тимур в монгольских источниках? Какова была его субэтническая принадлежность?

В монгольских летописях, касающихся того периода, о личности Менкэ-Тимура ничего не сказано. Вполне вероятно, что эта личность была зафиксирована монгольскими летописцами, но под другим именем. Определение той или иной личности в китайских источниках представляет собой особую трудность, порождая множество версий при сопоставлении персонажей китайских и монгольских ле-

тописей. Г.Е. Грум-Гржимайло и Г. Ховорс личность Менкэ-Тимура отождествляют с кергутским Угэчи-хашигой [8, с. 576; 9, с. 352]. Китайский исследователь Ду Жункунь предполагает, что Менкэ-Тимура можно также отождествить с торгутским Махачи-Менкэ, но фрагментарность данных не дает ему возможности сделать это уверенно, ввиду того что от Махачи-Менкэ (Менгей) до Хо-орлюка следуют три-четыре поколения [10, с. 62]. Хо-орлюк жил в начале XVII в., а Менкэ-Тимур – в начале XV в. Однако если допустить, что наличие умысла преднамеренного исключения имен некоторых предков у авторов исторических летописей из родословной схемы имело место в средневековой монгольской литературе, то вероятность отождествления с торгутским Махачи-Менке может выглядеть обоснованной. Следует добавить, что этот исторический персонаж был также известен еще и под другим именем – Гуйличи – в китайских источниках. Если же говорить о субэтнической принадлежности Угэчи-хашига, то монгольская летопись Саган-Сэцэна фиксирует “четыре ойратов” из племен – угэлэт (олет), багатут, хойт и кэргут, где под кергутами Г. Ховорс понимал керейтов. В этой связи интересно отметить, что Г.О. Авляев и В.П. Санчилов предками торгутов считают керейтов [11].

Очевидно, что данный исторический персонаж обозначается тремя (а если учитывать гипотезу Ду Жункуня, то и четырьмя) именами в различных источниках. То есть Гуйличи является и Угэчи-хашигой в монгольских летописях, и Менкэ-Тимуром в китайских источниках.

Разница во времени, когда Гуйличи занял престол, а Угэчи-хашиг убил Эльбек-хана, не является существенной. Согласно “Алтан тобчи”, “в год собаки [1394] на престол воссел Эльбэк-хан [здесь и далее разночтения в написании имен объясняются использованием перевода Г. Гомбоева – Д.К.]. Однажды на облаве он увидел на снегу кровь убитого зайца, спросил: “Есть ли такая женщина, белизна которой была бы как снег, а ланиты как эта кровь?” Ойратский Тафу-Хутхай отвечал на это: “Как же, есть такая”. “Кто такая? Нельзя ли видеть ее?” – “Если вы, действительно, желаете видеть ее, так скажу: это твоя невестка Ульдзэту-Гуа, жена твоего сына Хугурцак-Дугурэнг-хунтайдзы”. Прельстясь красотой своей невестки, Эльбэк-хан сказал Хутхэй-Тафу: “О, показывающий то, чего не видел, соединяющий то, что далеко, удовлетворяющий жажде желаний, ты, мой Тафу, ступай!” Он передал Бэгедзи слова хана в следующем виде: “Он меня послал, желая взглянуть на Вашу красоту”. Бэгэди разгневалась и отвечала: “Можно ли земле соединиться с небом, можно ли хану взять свою невестку? Пусть увидит его сын, Дэгуренг-Тэмэр, что

хан, его отец, уподобился черной собаке”. Не внимая словам невестки, хан убил своего сына и взял ее себе” [12, с. 156–157].

Далее в источнике излагается история мести Бэгедзи, которая заманила к себе Тафу-Хутхай, пришедшего к хану просить вознаграждения, напоила его вином и уложила спать, а затем, растрепав волосы и расцарапав лицо, послала за ханом: “Прежде, чем приехал хан, Тафу успел бежать. Хан погнался за ним в погоню и в этой схватке у хана был отстрелен мизинец. Убивши Тафу, хан приказал сутскому Джамин-Тайфу вырезать ремень из спины убитого, и послал своей жене. Смешав кровь хана с жиром Тафу, она облизывала, приговаривая: “Кровь хана, убитого своего сына, жир Тафу, бывшего причиной смерти моего господина, достались мне в подарок, вот успех – мщение женщины! Умирать мне все равно”. Хотя хан узнал о негодовании Бэгедзи, но, сознавая свою вину, ничего не говорил ей об этом. Сыновьям Тафу, Батула-Джинсангу и Угучи-Хашигу было поручено ханом начальство на 40 тыс. [ойратов]. Они в год змеи, на 6-м году ханствования Эльбэк-хана, убили его, взяли 40 000 ойратов и, отделившись, сделались непримиримыми врагами. Таким образом, власть от Монголов перешла к Ойратам” [12, с. 157–158].

Текст “Шара-туджи” в целом сходен с этими сведениями, но в нем есть небольшие расхождения. В “Шара-туджи” написано, что Угэчи-хашиг и Батула были братьями. В летописи Саган-Сэцэна говорится, что Угэчи-хашиг, говоря об Эльбек-хане и Батуле, восклицал: “Он отдает “четыре (ойратов)” во владение моему человеку из черни – Батуле, в то время, как я – его господин – жив” [13, с. 123]. Из этих сведений несомненно следует то, что действительной причиной столкновения керейтского Угэчи и цоросского Батулы-Махмуда и – за их спинами – двух влиятельных группировок была не женщина, а ханский престол, который Хугурцак (Харгацуг) хотел отнять у Эльбека, и также власть над ойратами, которую хотел отнять ойрат-цорос Тафу-Хутхай у ойрата-керейта Угэчи-хашиги. Так как цоросский Тафу-Хутхай хотел завладеть ойратами с помощью восточно-монгольского Эльбек-хана, то поддержка Угэчи-хашиги Хагурцуку и противопоставление его Эльбек-хану были в то же время и борьбой Угэчи против Тафу-Хутхай. Угэчи-хашиг убил Эльбек-хана. Разница во времени между узурпацией престола Гуйличи и убийством Эльбек-хана Угэчи-хашигой невелика.

Все источники свидетельствуют, что Гуйличи не был потомком Юаньской династии. Об этом говорится в “Мин ши”: “Гуйличи узурпировал престол, стал хаганом, отменил прежнее название династии и дал название Дадань” [6, цз. 327]. Все это показы-

ваит, что Гуйличи не являлся потомком юаньских правителей и не являлся чингисидом. Точно также Угэчи-хашиг был правителем ойратских кергутов и не являлся представителем рода Борджигит. Почему в монгольских летописях Угэчи не фигурирует в качестве хана, а в китайских – наоборот, объясняется тем, что все представители изгнанной из Китая юаньской династии (каковыми являлись восточные монголы) претендовали на власть над Китаем и организовывали походы. Ослабление или свержение этой ненавистной династии было на руку китайскому правительству. Поэтому минский двор и поспешил с признанием узурпатора Гуйличи-Угэчи, чтобы установить с ним дружественные отношения. В другом положении были монгольские летописцы, стремившиеся не допустить на ханский престол “нелигитимных” правителей. С этой целью они придумывали для них фиктивное родство либо не упоминали о них вовсе.

Помимо того, основная территория, на которой пребывал Гуйличи, находилась неподалеку от местностей Ганьсу-Нинся, а не на восточных территориях. Этому имеются доказательства в “Мин Тайцзун шилу”: “за 5-й год 3-го месяца периода правления Юн-лэ: “Эр-и-чи, Е-эр-цзи, Эр-эр-хуэй и др. возвращаются, проходя через пограничные города. Их следует встретить и отправить [дальше], [также] сопроводить до границы. В то же время Сун Чэну было тайно донесено, что Эр-и-чи является воином [из войска] Гуйличи, и, вероятно, это Гуйличи [их] отправил. Наверно, Гуйличи собирается [идти] на запад и воевать с ойратами. Эти же командиры отправили свои семьи на юг, боясь наступательных действий пограничных войск [минской династии]...” [7, цз. 11]. Сун Чэн являлся заместителем командующего войсками в Ганьсу, и, видимо, посланцы от Гуйличи проходили через приграничные города Нинся по возвращении из Китая. Отсюда следует вывод, что основная территория Гуйличи находилась неподалеку от Нинся-Ганьсу, т.е. на западных рубежах китайской империи Мин, где неподалеку от них кочевали ойраты.

К тому же есть сведения из “Мин ши”, в разделе “Хами”, где о Гуйличи говорится два раза: первый раз на 2-й и 3-й год периода правления Юн-лэ, когда он отправляет Ань-кэ-тимура, а второй раз на 5-й год девиза того же правления [6, цз. 329]. Как известно, уйгурское княжество “Комул” китайские летописи именуют как “Хами” и по сей день.

Кроме того, у Гуйличи была вражда с Махмудом и другими представителями данной коалиции. Эту войну можно отождествить с войной Угэчи-хашиги и Батулы. И, наконец, имена Гуйличи и Угэчи схоже звучат.

Весь анализ показывает, что Гуйличи, Менкэ-Тимур и Угэчи-хашига – одно лицо, стоявшее во главе одной из субэтнических групп, входившей в состав ойратов и именуемой монгольскими летописцами “кергутами”, дореволюционными востоковедами “кереитами”, в которых современные калмыковеды видят предков торгутов. Из этого следует также и то, что попытка государственного образования одной из субэтнических групп ойратов – торгутов – обнаруживается еще в XV в. в степях Монголии, где главными оппонентами за власть выступают представители цоросской фамилии (впоследствии основатели Джунгарского ханства) и представители чингисидов из среды восточных монголов. В XVII в. эта попытка уже реализуется на территории юга России и Северного Прикаспия, за пределами центральноазиатских степей, и уже при других обстоятельствах.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 8869.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Очирова Н.Г.* Народы Калмыкии: исторический опыт взаимодействия и современность // Вестник Южного научного центра. 2009. Т. 5. № 3. С. 43–48.
2. *Малаявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981. 336 с.
3. *Кутлуков М.* Из истории международных связей в Центральной Азии в 1755–1759 гг. (сведения кашгарских историков) // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана. XV–XIX вв. Ташкент: Фан, 1987. С. 59–82.
4. *Самаев Г.П.* Горный Алтай в XVII – сер. XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва, 1991. 256 с.
5. *Санчилов В.П.* “Илэтхэл шастир” как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 136 с.
6. Мин ши (История династии Мин). Сер. Сы-бу-бэй-яо. Шанхай: Чжунхуа шуцзю, 1936. 332 цз.
7. Мин Тайцзун шилу (Записки о свершившемся под девизом правления минского Юн-лэ). Тайбэй: Чжуньян яньцзю юань лиши юйянь яньцзюсо. 1961–1966. 133 т.
8. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л.: Изд-во РГО, 1926. 570 с.
9. *Howorth H.* History of the Mongols. P. I–III. L.: Longmans, Green, and Co., 1876–1888; N.-Y.: Burt Franklin, [N.d.], 1087 p.
10. *Ду Жункунь, Бай Цуйцин.* Си мэньгу ши яньцзю (Исследования по истории западных монголов). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2007. 330 с.
11. *Авляев Г.О., Санчилов В.П.* К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (к проблеме эт-

- ногенеза калмыков) // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1984. С. 41–58.
12. Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами / Пер. Г. Гомбоева // Труды Восточного отделения императорского археологического общества. Ч. VI. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1858. 234 с.
13. *Петров К.И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами XIII–XV вв. Фрунзе: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.

ON THE IDENTIFICATION OF THE OIRATS' HISTORICAL CHARACTERS IN CHINESE AND MONGOLIAN SOURCES (THE EXAMPLES OF UGETCHI, GUILICHI AND MENKE-TIMUR)

D.G. Kukeev

The present paper focuses on the identification issues of the historical characters in one of the crucial and complicated periods in the history of the ancestors of the Kalmyks – the Oirats. The methodological basis of the study is a comprehensive approach and comparative-historical analysis of various sources, which let us resolve a number of controversial issues in the history of the ancestors of the Kalmyks – the Oirats.

Key words: Oirats, identification, sources, the 15th century.

REFERENCES

1. Ochirova N.G. 2009. [The Peoples of Kalmykia: the historical experience of interaction and modern time] *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra*. 5(3): 43–48. (In Russian).
2. Malyavkin A.G. 1981. *Istoricheskaya geografiya Tsentral'noi Azii (materialy I issledovaniya)*. [*Historical geography of Central Asia (materials and research)*]. Novosibirsk, “Nauka”: 336 p. (In Russian).
3. Kutlukov M. 1987. [On the history of international relations in Central Asia in 1755–1759 (Kashgar historians' info)]. In: *Iz istoriii Sredney Azii i Vostochnogo Turkestana. XV–XIX vv.* [*On the history of Central Asia and Eastern Turkestan. 15th–19th cc.*]. Tashkent, “Fan”: 59–82. (In Russian).
4. Samaev G.P. 1991. *Gornyy Altay v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoedineniya k Rossii* [*Gorny Altai in 17th–19th cc.: the problems of political history and integration in Russia*]. Gorno-Altaysk, Altai branch of Altai Books Publishers: 256 p. (In Russian).
5. Sanchirov V.P. 1990. “*Iletkhel Shastir*” kak istochnik po istorii oiratov. [“*Iletkhel Shastir*” as a source on Oirats' history]. M., “Nauka”: 136 p. (In Russian).
6. *Ming shi*. 明史. [*The history of Ming dynasty*]. Shanghai, Zhonghua shuju Publishers, 1932: 332 j. (In Chinese).
7. *Ming Taizong shilu*. 明太宗實錄. [*The Veritable Records of the Ming Yongle*]. Taipei, Zhongyang yanjiu yuan lishi yuyan yanjusuo Publishers, 1961–1966: 133 t. (In Chinese).
8. Grumm-Grzhimailo G.E. 1926. *Zapanaya Mongoliya i Uryanghaiskiy krai*. [*Western Mongolia and Uryankhai Region*]. Vol. 2. Leningrad, Russian Geographical Society Publishers: 570 p. (In Russian)
9. Howorth H. 1876 – 1888. *History of the Mongols*. P. I–III. L.: Longmans, Green, and Co. Publishers; N.-Y.: Burt Franklin Publishers: 1087 p. (In English).
10. Du Rongkun, 杜荣坤, Bai Cuiqing, 白翠琴. 2007. *Xi menggu shi yanjiu*. 西蒙故史研究. [*The studies on the history of Western Mongols*]. Guilin: Guangxi shifan daxue chubanshe Publishers: 330 p. (In Chinese).
11. Avlyayev G.O., Sanchirov V.P. 1984. [On the origin of Torgouts and Khoshouts in the ethnic compound of Medieval Jungaria's Oirats (On the problem of Kalmyk ethnogenesis)]. In: *Problemy etnogeneza kalmykov*. [*The Problems of Kalmyk ethnogenesis*]. Elista, Kalmyk Scientific Institute of History, Philology and Economy Publishers: 41–58. (In Russian).
12. *Altan Tobchi. Mongol'skaya letopis' v podlinnom tekste i perevode, s prilozheniem kalmitckogo teksta istorii Ubashi-khuntaijiya i ego voiny s oiratami. 1858*. [*Altan Tobchi. Mongolian annals in the original text and it's translation with the application of the Kalmyk text of the history of Ubashi-khuntaiji and his wars against Oirats*]. Translation G. Gomboev. In: *Trudy Vostochnogo Otdeleniya imperatorskogo arkeologicheskogo obshchestva*. [*The Proceedings of the Eastern branch of the Imperial Archaeological Society*]. Part 4. St.-Petersbourg, The Printing house of Imperial Academy of Sciences: 234 p. (In Russian).
13. Petrov K.I. 1961. *K Istorii dvizheniya kirgizov na Tyan'-Shan' i ih vzaimootnosheniy s oiratami XIII–XV vv.* [*On the History of Kyrgyz movement to Tian-Shan and their relationships with Oirats in 13th–15th cc.*]. Frunze, USSR Academy of Sciences Publishers: 172 p. (In Russian).